

Предложения, построенные в виде периода, составляют речь периодическую, в отличие от речи обычной, отрывистой. Со стороны содержания период отличается большой полнотой и законченностью выражения мысли, он развёртывает и оформляет сложную аргументацию положения. Из-за этих качеств период особенно широко используется в художественной литературе и в ораторской речи (в публицистике).

Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка

В разговоре с петербургским писателем Глебом Горышиным Геннадий Муриков признался, что предпочитает «литературу, основанную на конфликтах». С большой долей уверенности можно считать это признание творческим кредо и самого Г. Мурикова, выступившего в книге «Период полураспада» в нескольких ипостасях — критика, историка и мемуариста. «Настоящий писатель, — считает он, — не может увлекаться жизнеописанием зверюшек и бабочек. Другое дело, когда за этим скрыты внутренние или социальные конфликты».

С данной позицией трудно не согласиться, ибо искусство в целом состоит из контрастов, из противостояний, а литература так даже и формально создаётся конфликтно — «чёрным по белому».

Казалось бы, любое противостояние должно завершиться чьей-то победой или поражением, но в искусстве, как правило, так не получается. Дело в том, что пресловутая сентенция, что истина где-то посередине, здесь абсолютно неубедительна. «Высшая правда, справедливость, не может быть доказуемой, — писал Эрнст Юнгер в “Излучениях”, — она должна оставаться спорной. К ней следует стремиться в формах, к коим мы, смертные, можем приблизиться, но не можем осуществить их полностью. Это уводит в области, где не мера, а неизмеримость украшает мастера, ведя его на встречу с мусическим».

Согласно Платону, термин «мусический» следует понимать, как «образованный», более того, у философа он суживается до значения «мастерства». В этом смысле Геннадий Муриков действительно образованный мастер, который может обоснованно и при этом увлекательно и в то же время полемично затрагивать темы, которые не оставляют равнодушными людей, интересующихся вопросами литературы и истории, особенно «тайной истории» (вспомним одноимённое сочинение Прокопия Кесарийского, написанное живым, образным языком, погружающее читателя в закулисный мир Византийской империи — «мир отравителей, убийц и необузданных безумцев»).

В вопросах истории и «исторического закулисы» России Г. Муриков выводит свои заключения и предположения на основе открытых источников — прессы, мемуаров, архивных документов. Для него, как для литератора, это фабула — то, что было на самом деле, из чего он создаёт свой исторический сюжет, в котором те же связи и отношения предстают в его авторской словесной динамике.

Книга «Период полураспада» — это сборник статей автора, провоцирующего читателя на сотворчество. Высказываясь по поводу лиц, событий и обязательно указанной конфликтной подоплёки, стоящей за всем этим, он, таким образом, словно приглашает к дискуссии — не рано ли мы считаем историю, культуру и искусство своей страны досконально изученным «атласом зверюшек и бабочек», а внутренние конфликты исчерпанными?

Так, ещё и сегодня далеко до ясности в вопросе «белизны» белого движения, воспеваемого на два голоса либеральным и патриотическим крылом российской интеллигенции. Г. Муриков в нескольких статьях касается темы отношения к личности Николая II, привлекая свидетелями современников императора и историков — монархистов и анти-монархистов. Однако пока не всех, имеющих что сказать по теме, ему удалось охватить. Большой охват, возможно, следует ожидать в следующем «периодическом» издании писателя.

Многие историки, привычно концентрируют внимание на благородных призывах к борьбе за Россию после падения Временного правительства и потере захваченной было власти, раздающихся из уст «белых», главных — по сути — виновников русской катастрофы 1917 года, продолжавших считать себя героями и спасителями России. Их вина заслоняется флёрот романтики, неизбывного благородства, впитанных, по крайней мере моим и Геннадия Мурикова отрочеством, хотя бы с рефреном «белогвардейской» песни Ю. Борисова в исполнении симпатичного офицера в фильме «Таинственный

монах»: «И кресты вышивает последняя осень по истёртому золоту наших погон». Этот или ряд других образов офицеров, периодически появлявшихся в кинематографе, — чего стоит лишь обаятельный Александр Брусенцов в исполнении В. Высоцкого, картинно стреляющийся на борту судна, покидающего Крым, — безусловно, вызывали сочувствие советских людей и никоим образом не могли навести на мысль о возмездии, настигнувшем прекрасных белых рыцарей, с лёгкостью отказавшихся от защиты монархической идеи, гарантировавшей России пусть и худой, но всё же мир.

«Между тем, — писал в 1960 г. Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский, — Троцкий в своих воспоминаниях признаёт, что больше всего они (советы) боялись, чтобы не был провозглашен Царь, т.к. тогда падение советской власти стало бы неминуемым. Однако того не случилось, “вожди” («белых» — А. М.) боялись того же. Они воодушевили многих на борьбу, но запоздалый их призыв и отвага не спасли Россию. Некоторые из них в той борьбе положили жизнь и пролили кровь, но гораздо больше пролито невинной крови, которая продолжает литься по всей России, вопия к небу. Посему отношение к ним, как и ко всем государственным деятелям Руси, должно быть то, которое выражено у Пушкина устами летописца — “Хвалите за славу, за добро, а за грехи, за тёмные деянья, Спасителя смиренно умоляйте...”, нисколько их не оправдывая, но и не крича о них, ибо то, что произошло, наш общий позор, позор России и её бедствие».

Сказанное выше свидетельствует, что книга Г. Мурикова побуждает к размышлениям, к собственным изысканиям, к уточнению, к диалогу, а может быть, и изменению взгляда на историю России и её героев. Но и опять-таки, напоминает, что «высшая правда, справедливость, не может быть доказуемой». Впрочем, именно это, как ни странно, способствует возникновению новых и новых художественных и популярных изложений отечественной истории.

Г. Муриков верен своему творческому кредо, и помимо «музыкального мастерства» он будет интересен читателю данной книги и как стойкий приверженец «конфликтного» начала в искусстве.